

ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК И. А. БУНИНЬ

Очарованный инок

ИЗЪ «ЗОЛОТОЙ ЛЕГЕНДЫ» ЛОНГФЕЛЛО

Однажды утром,
По вѣковому сумрачному лѣсу,
Изъ древицъ, сѣрыхъ стѣнъ мона-
стыря,
Съ задумчиво поникшей головою
И тихою молитвой на устахъ,
Шель инокъ Феликсъ.

Быль жаркій день,
Быль зноенъ лѣтній воздухъ, и зеле-
ный

Тѣнистый лѣсъ
Упокоился мирной
Обители безгрѣшныхъ. Золотые
Лежали мхи среди деревьевъ, вѣтви
Какъ бы творили знаменіе креста,
Качаясь и шепча свои молитвы,
И развивая сладкій, ибжнй запахъ
Лѣсныхъ цвѣтовъ и виноградныхъ
Лозъ.

Тянувшись изъ чаши къ свѣту
солнца.

Исполнено все было красоты;
Но инокъ Феликсъ
Быль погруженъ въ глубокое раз-
думье:

Его глаза
Покоились на книгѣ Августина,
Гдѣ онъ прочелъ
О ливномъ и незримомъ Божьемъ
Градѣ
Въ далекой и невѣдомой Странѣ.
«Всѣмъ сердцемъ вѣрю
Въ Твои дѣянья, Господи, сказала
онъ,
Но не могу постигнуть ихъ!» — И
вдругъ

Въ лѣсу раздался голосъ, — див-
ный голосъ
Какой-то птицы, райски бѣлоснѣж-
ной,

Упавшей точно съ неба и затѣвливъ
Столь, сладостно, столь звучно, что,
казалось,

Заблн въ небѣ струны золотыя
Несмѣтныхъ арфъ. И Феликсъ
Забывъ святую книгу
И долго, долго

Шель и вникалъ той птицѣ, восхи-
щенный,
Доколь не увидѣлъ, какъ во свѣ,
Небеснаго убжнща Блаженныхъ,
Доколь не узрѣлъ
Соня Ангеловъ, ходящихъ въ Бо-
жьемъ Градѣ

По золотымъ, по звучнымъ плитамъ
улицъ.

Онъ искушенъ былъ дерзкой
Мечтой поймать таинственную птицу,
Но птица по холмамъ и по доламъ
Все далѣе и далѣе летѣла
И Феликсъ, вмѣсто сладостнаго пѣ-
нья.

Услышавъ, наконецъ,
Далекій звонъ обители, зовущій
Къ полуденной молитвѣ, и поспѣшно
Въ обитель возвратился. Что жъ онъ
видитъ?

Онъ узнаетъ знакомыя мѣста,
Шпиль колоколынь, пасмурная стѣ-
ны
Изъ сѣраго гранита, кельи, вышки,
Но, взглянувъ въ братню, не мо-
жетъ

Найти въ толпѣ
Ни одного знакомаго! Повсюду
Чужія, непривѣтливыя лица
И новые для слуха голоса
Поютъ псалмы подл голоса органа!
И вѣтъ чужой,
Межъ старыми дубовыми скамьями,
Остаются Феликсъ, и монахи
Разсматривали тоже съ удивленьемъ
Его лицо. — «Я вотъ ужъ сорокъ
лѣтъ
Живу въ святой обители, промот-
вилъ

И въ молитвѣ, и въ раздумьи,
И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи,
И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

Одинъ изъ нихъ, по этого лица
За сорокъ лѣтъ я никогда не ви-
дѣлъ!»

Похолодѣвъ отъ страха, Феликсъ
робко
Сказалъ въ отвѣтъ: «Окончивъ Пер-
вый Часъ,

Я нынче утромъ вышелъ за ворота
И долго шель, влекомый сладкимъ
пѣньемъ
Какой-то бѣлоснѣжной дивной пти-
цы,

Пока вдали
Не услышалъ полуденнаго звона.
Я быль какъ бы по свѣ:
Часы мнѣ показались краткимъ ми-
гомъ!»

«Часы!» — сказалъ монахъ,
Сидѣвшій за дубовой темной партой
Подл сѣверной стѣною. — «Не часы,
А цѣлые года!» — сказалъ онъ. Это
быль

Старѣйшій между всѣми. Онъ сто-
лѣтъ
Провелъ въ лѣсу, въ святомъ служ-
женіи Богу,
Онъ вспомнилъ голосъ Феликса,
всмотрѣлся

Въ его лицо и медленно промолвилъ:
«Сто лѣтъ тому назадъ,
Когда я быль послушникомъ, быль
въ этой

Обители, хранимой Богомъ, инокъ,
Всѣмъ Ему угодный и носившій
Святое имя: Феликсъ. Это Феликсъ!»

И вынесли на свѣтъ
Изъ пылаго скрипторіума книгу,
Огромную, оправленную мѣлкой
И тѣпной кожей бурого мѣлѣды,
Въ которой отбѣлѣлись имена
Всѣхъ иноковъ, здѣсь жившихъ и
умершихъ.

И тамъ прочли
Все сказанное старцемъ: что столѣ-
тне
Тому назадъ, въ такой-то день и мѣ-
сяцъ,
Ушелъ изъ вратъ обители братъ
Феликсъ

И подл ея благословенный кровъ
Ужъ больше не вернулся — слытъ
умершимъ.

И, прочитавъ,
Признали, что ему,
Плѣнному смертной райской
пѣсню,
Вѣкъ показался истинно мгновень-
емъ.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

И въ радости, и въ печали,
И въ любви, и въ ненависти,
И въ вѣрѣ, и въ сомнѣніи,
И въ надеждѣ, и въ отчаяніи.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

Привѣтъ Подкарпатской Руси

Сегодня, разсѣянные по всему бѣлому свѣту, празнуемъ мы день русской культуры; но лѣтъ торжества въ коренныхъ русскихъ земляхъ. Почти девять лѣтъ тому назадъ въ припадкѣ безумія «оталася Русь разбойнику и вору, и «пошла поруганной и нищей и рабой послѣдняго раба». До сихъ поръ подвластны третьему интернационалу русскія племена — всѣ, кромѣ одного, самаго маленькаго, угороруссовъ. Снятіе съ нихъ малярскаго ига почти совпало съ тѣмъ временемъ, когда русский народъ надѣлъ на себя позорный коммунистическій хомутъ. Многимъ кажется, что это ярмо никогда не будетъ сброшено, а если свобода и придетъ, то слишкомъ поздно: интеллигенція будетъ уже уничтожена, народная гордость сломлена, языкъ испоганенъ, добрые нравы и обычай замѣнены озверствомъ, безстыдствомъ, кощунствомъ — и останется вмѣсто великаго русскаго народа одна лишь презрѣнная придорожная пыль, негодная даже для удобрѣнія.

Нѣтъ, малодушные, этого не будетъ; а если не вѣрите — поучитесь на примѣрѣ Подкарпатской Руси: сотня лѣтъ се угнетали, уничтожали высше и образованные классы, но народъ отбился, сохранилъ свой языкъ, жизненный укладъ и дожилъ до лучшихъ временъ.

Но дню 6 июня русскіе люди въ разныхъ мѣстахъ всего міра выпустили много листовъ и обращеній; въ каждомъ изъ нихъ своя история, свое замеченіе, своя паесть. Но въ томъ названіи, которое обращено отъ имени Просвѣтительнаго Общества имени Ал. Духновича въ Ужгородѣ ко всѣмъ русскимъ обществамъ и людямъ въ Подкарпатской Руси, имѣетъ живущихъ на чужбинѣ, особен- но цѣнно и утѣшительно то, что оно является свободнымъ словомъ русской интеллигенціи къ русскому народу на русской землѣ. Это счастье у другихъ русскихъ племенъ опять, но Богъ дастъ, мы его выстрадаемъ и добудемъ опять, а пока пусть послужитъ для насъ эмблемой будущаго спасенія всей Россіи настоящее спасеніе Угорской Руси.

Мы, изгнанники изъ Московскаго Русскаго Царства, живемъ среди высинокъ горы, но душа у всѣхъ одна — русская. Прили отъ насъ братскій привѣтъ въ торжественный Пушкинскій день.

Отъ имени многихъ.

Странникъ.

Въ «день русской культуры» невольно задумываешься надъ судьбами русской культуры. Замыселъ инициаторовъ ежегоднаго душинаго праздника сводился, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы устроить какъ бы ежегодный смотръ русскимъ культурнымъ силамъ предъ лицомъ засыпающей и затонающей стихіи тѣхъ чужихъ культуръ въ окруженіи коихъ мы принуждены жить до освобожденія Россіи. Въ этомъ великомъ практическомъ, но въ значительной мѣрѣ и символическомъ значеніи «дня русской культуры».

Но видѣ не только вишній врагъ денационализаціи грозитъ русской культурѣ? Не опасенъ ли то дѣйствіе внутренняго варварства, о которомъ примѣнительно къ западно-европейской культурѣ, уже давно мучительно грезилъ многие прозорливые и чуткіе мыслители и которое съ такою огромной разрушительной стремительностью обрушилось на Россію? Сейчасъ еще рано подводить итоги этому разрушенію: оно еще дается, и только въ будущемъ, послѣ низверженія совѣтской власти, можно будетъ постепенно уснѣить, что еще живо, цѣло и жизнеспособно въ составѣ придрушенной русской культуры.

Часть русскихъ культурныхъ дѣятелей спасена дѣною эмиграціей. Свободное развитіе русской культуры сейчасъ возможно только подл охраной чужой государственности, въ составѣ чужихъ культуръ! На насъ этимъ розложено огромное бремя, и невольно задаешь себѣ вопросъ, выдержимъ ли, окажемся ли достойными ея, не растрачимъ ли, не растеряемъ ли ту великую цѣнность, которая намъ доверена! И здѣсь дѣло не только въ томъ, что бы оберечь «себя» отъ подавляющаго и искажающаго вліянія «чужого». Все ли въ порядкѣ у насъ «внутри»?

Вѣтшее впечатлѣніе — полное благополучіе. Возьмемъ, хотя бы «пашъ» Парижъ. Русскій сезонъ въ разгарѣ. Русское искусство царитъ. Но такъ ли все благополучно «внутри»? И уже не буду останавливаться на томъ, все ли золото, что блещетъ, все ли, что несетъся на гребнѣ успѣха, достойно имени русскаго искусства.

Возникаетъ другой вопросъ: не является ли въ какой то весьма осязаемой долѣ, то буйное цвѣтеніе русской культуры, которое мы въ разныхъ областяхъ наблюдаемъ, «проектантское», а отчасти и «проектантское капитала», наполепаго въ великое время великаго Россіи? Не начинаются ли все съ большей назойливостью обнаруживаются явленія, «свидѣтельствующія о назрѣваніи нѣкоего культурнаго разрыва» смѣняющихся поколѣній?

Война, и главное, революція, провели между, глубина которой обнаруживается только теперь, когда уже близится срокъ старшему поколѣнію «смыкаться». Сейчасъ все съ большей и подчасъ разительной наглядностью сказывается наличие въ русскомъ зарубежномъ обществѣ какъ бы двухъ разныхъ культурныхъ породъ: породы старой, сложившейся и озвѣвшей подл сѣбною мощью культуры Императорской Россіи, и молодой, обреченной на то, чтобы созрѣвать въ отрывѣ отъ вѣковой культурно-национальной почвы.

Недавно по одному случайному поводу я съ необыкновенной отчетливостью ощутилъ эту культурную разноразличность нашей среды. Это было на одномъ изъ прекрасныхъ спектаклей Александровича, на концертномъ исполненіи «Жизни за Царя».

Переполненный залъ какой-то невиданной чертой дѣлился на двѣ категоріи слушателей. Для однихъ то, что происходило на эстрадѣ, было радостнымъ напоминаніемъ о чемъ то безконечно близкомъ, съ дѣтства знакомомъ, о чемъ то сопутствовавшемъ всю жизнь и жгущемъ въ душѣ посейчасъ. Звукъ оперы, въ бѣдномъ

концертномъ исполненіи, лишь будили и вызывали на поверхность сознания то, что спрелось съ нами, что негнѣдливо отъ насъ, что является органической частью нашего культурнаго самосознанія. Для другихъ — это было всего лишь первое знакомство съ чѣмъ то, «незвѣстнымъ по репутаціи». Это было вѣкое откровеніе. И намъ, людямъ старой культуры, какъ то психологически не то, что трудно, а почти невозможно было освоиться съ мыслью, что вотъ для всей этой взрослой молодежи «Жизнь за Царя» Глинки есть чужой, впервые ими конкретно воспринимаемый вѣшній фактъ, и что если бы Александровичу не пришлось на узѣ, показать, хотя бы въ этой вѣшней убогой обстановкѣ, нашу национальную оперу, ее вообще не могло бы узнать подрастающее поколѣніе. «Жизнь за Царя Глинки» осталась бы какъ бы условнымъ обозначеніемъ, за которымъ вся эта молодая Россія ничего бы живого и реального не ощутила!

Это, конечно, единичное вырванное изъ жизни наблюдѣніе, но за нимъ кроется фактъ, который оно служитъ лишь иллюстраціей.

Тутъ непосредственно можно было ощутить, какой въ сущности «подвижъ» национально-культурнаго развитія несетъ молодѣжь! То, что намъ давалось даромъ, что мы вѣдохали, какъ бы съ воздухомъ изъ окружающей насъ атмосферы, тому сейчасъ нужно сознательно учиться, тратить опертго, напрягая волю. И это въ условіяхъ тяжелой трудовой жизни, въ чужой средѣ!

Но непосредственно ощущаешь и другое: какая великая обязанность лежитъ на насъ, старшемъ поколѣніи, и на поколѣніи младшемъ.

Мы, носители старой культуры — вымирающее племя! Намъ нѣтъ и не можетъ быть пополненія, такъ какъ разрушенъ национально-государственный сосудъ, вмѣщавшій эту культуру и развилась драгоценная влага. За нами идутъ люди, для которыхъ великая русская культура «лицитруется» въ насъ, въ нашемъ поколѣніи.

Мы — живое преданіе, а когда мы уйдемъ, останется лишь пѣсчине, и по нимъ являемъ придется возстановлять «реставрировать» культуру Императорской Россіи.

Удается ли поколѣніямъ отцовъ и дѣтей, раздѣленнымъ революціей, связать дѣль времени и отстоять подлинную преемственность культуры?

Вотъ вопросъ, который придется на узѣ въ «день русской культуры» и требовать отвѣта. Что тотъ широкій фронтъ поступающаго культурнаго дѣленія, который сложился въ Россіи до революціи, сейчасъ уже недостижимый идеаль — это ясно. Вопросъ ставится гораздо уже: удастся ли, хотя бы черезъ нѣтъ то узкіе горышки и перешейки провести живыя нити отъ настоящаго къ будущему?

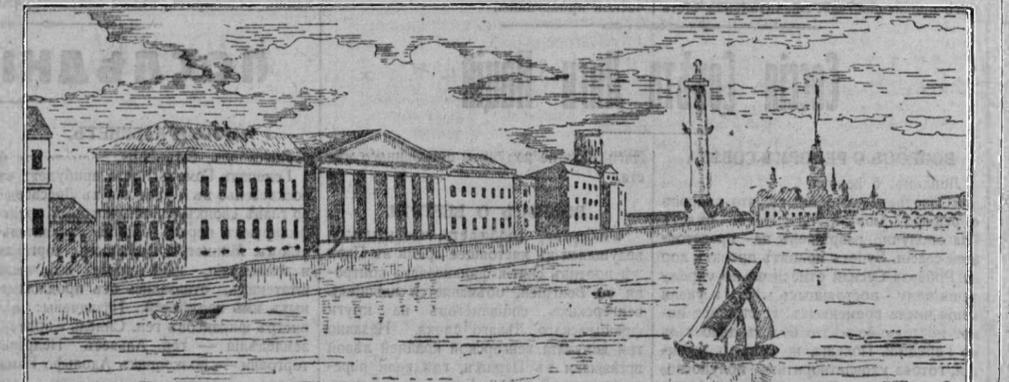
Это не только вопросъ. Это задача, огромная и отвѣтственная. Всѣ, въ комъ воплощается русская культура, должны бо лѣтъ этимъ вопросомъ и работать надъ за дачей: найти и создать себѣ преемниковъ. Этимъ же вопросомъ должны болѣть и всѣ «молодые» и работать надъ задачей: взять отъ старшаго поколѣнія все, что оно можетъ дать.

Пусть молодые плутъ своимъ путемъ, лишь бы они отирались отъ тѣхъ великихъ достиженій, которая уже содержится въ русской культурѣ, созданной Императорской Россіей.

Павелъ уединя и Павелъ уединя — вотъ что нужно сейчасъ во имя преемственности русской культуры.

К. Зайцевъ.

Императорская Академія Наукъ

АКАДЕМИКЪ П. Б. СТРУВЕ

Русская наука въ русской культурѣ

Посвящается незабвенной памяти этюветившихъ друзей и коллегъ по Академіи Наукъ историковъ А. С. Давно-Давилевскаго и М. А. Давновова.

Развитіе науки въ Россіи началось позже и совершалось при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ странахъ Западной Европы. Историческое изслѣдованіе съ все болѣею и болѣею ясностью раскрываетъ теперь, въ какой мѣрѣ раз-

витіе научнаго мышленія и наукъ было подготовлено на Западѣ духовными достиженіями Средневѣковья. Наука и философія новаго времени вышли изъ средневѣковой науки и философіи, и первая по отношенію къ второй является не погильщицей, а дочерью.

но настроенныхъ иностранцевъ, развивавъ одинъ изъ нашихъ отомѣвшихъ въ другой міръ, коллегъ, незабвенный для многихъ изъ насъ Александръ Сергѣевичъ Давно-Давилевскій. Его англійская лекція на тему «The development of science and thought in Russia» есть, быть можетъ, послѣднее и самое объективное разсмотрѣніе нашей темы, къ сожалѣнію, существующее только на англійскомъ языкѣ. Эту тему мы обсуждали въ долгихъ бесѣдахъ съ Александромъ Сергѣевичемъ еще въ вагонѣ желѣзнодорожной дороги и на пароходѣ, когда отправляясь въ мѣстѣ въ Кембриджѣ. И, подготавливая свою рѣчь и перечитывая его лекцію, я какъ бы вновь бесѣдовалъ на ея тему съ покойнымъ коллегой и другомъ.

По исторіи русской науки мною собранъ обширный матеріалъ, который не можетъ уложиться въ такое по необходимости сжатое изложеніе и могъ бы составить предметъ цѣлой книги. Лекція А. С. Давно-Давилевскаго печатана въ сборникѣ «Russian problems and realities» (Cambridge University Press 1916).

*) Настоящая статья безъ измѣненій воспроизводитъ рѣчь, произнесенную мною въ Праздъ въ торжественномъ засѣданіи перваго Съезда русскихъ академическихъ организацій заграничій въ 1921 году и нѣгдѣ до сихъ поръ не напечатанную. Я предпослала тогда своему устному изложенію слѣдующія слова:

«Съ нѣкоторыми волеями приступая къ попыткѣ — представить вамъ изображеніе и развитія науки въ Россіи и ея значенія въ культурной жизни нашіи. Волеие мое вытекаетъ изъ тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыхъ мнѣ приходится затрагивать эту обширную и значительную тему и, отъ котораго я именованно хотѣлъ бы отвѣчать, вѣсьма неловко, поставивъ его передъ широкимъ и подымающимъ историческими перспективами. Отъ текущаго и хлѣбческаго и хочу унести насъ къ твердому, историческому исполненію и строителю.»

«Но, подходя къ темѣ своей рѣчи, я испытываю волеие и по тѣмъ личнымъ воспоминаніямъ, которая у меня съ нею связана. Эту же тему лѣтомъ 1916 года въ Кембриджѣ передъ обширнымъ кругомъ соучаст-

Этого вѣсна въ процессѣ духовнаго развитія Россіи не было — оно выпало. Конечно, въ западно-русской культурѣ были извѣстные зародки его, но они были слабы: церковная и научная культура даже Западной Россіи никогда не могла равняться въ этомъ отношеніи съ культурой западныхъ странъ.

Въ Россіи по Петра не было науки, а на Западѣ уже къ этому времени происходило расцвѣтъ наукъ въ коныхъ формахъ. Россія не знала еще Аристотеля и Эммы Аквината, когда она могла уже встрѣтиться съ Бэкономъ, Декартомъ, Ньютономъ и Лейбницемъ. Когда наука была перенесена въ Россію и начала систематически въ ней насаждаться, на Западѣ научное знаніе уже не только по существу, но и формально секуляризовалось, или обмиршилось. Вотъ почему русская наука съ самаго ея начала есть явленіе свѣтское.

Въ нашемъ отечествѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо наука развивается въ тѣснѣйшей связи съ национальнымъ государствомъ и его ростомъ. Если философія и наука въ среднее вѣка на Западѣ является служанкой богословія, ancilla theologiae, то въ Россіи она является орудіемъ государства, instrumentum publicae. Эта черта русскаго культурнаго развитія можетъ быть въ настоящее время разсматриваема и оцѣниваема объективно-исторически. Было бы совершенно неисторично не видѣть, въ какой мѣрѣ въ Россіи государство было двигателемъ культуры и науки. Въ послѣдней четверти XVII и въ теченіе всего XVIII вѣка государство форменнымъ образомъ принуждало населеніе учиться и заманивало его въ школу. Какъ извѣстно, начало развитія выс-

шей школы въ Россіи характеризуется явленіемъ, которое можно назвать учебной «колониализаціей» Россіи. Академія Наукъ со времени ея основанія и до начала XIX вѣка была не только ученымъ учрежденіемъ, но и какъ бы университетскимъ курсами. И характеръ но, что туда нужно было привлечь не только иностранныхъ ученыхъ, но и иностранныхъ студентовъ. Была эпоха когда въ академическій университетъ были выписаны 17 иностранныхъ профессоровъ, которые обучали восемь тысячъ выписанныхъ изъ заграничій студентовъ. Но и